

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета

на диссертацию Васильевой Наталии Сергеевны на тему: «Проблема действительности права в правовой концепции Альфа Росса» (Санкт-Петербург, 2019), представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01. – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки)

Диссертация посвящена актуальной фундаментальной теоретической теме – проблеме действительности права, рассмотрению ее трактовок в трудах некоторых представителей западной правовой мысли XX в., прежде всего в работах датского ученого Альфа Нильса Кристиана Росса (1899-1979).

Исследование свидетельствует о хорошем знакомстве диссертанта с трудами зарубежных ученых-юристов исследуемого направления (И.Бентама, Е.В. Булыгина, Г. Кельзена, Дж. Остина, К. Оливекроны, Г.Ф. Шершеневича, Г.Л.А. Харта и др. Э. Паттаро, Л.И. Петражицкого), их широком использовании, об увлеченности темой и сложившейся общей профессиональной ориентации автора.

Как отмечается в диссертации, «после долгих лет изоляции отечественное правоведение успешно движется к тому, чтобы снова стать полноправным участником общемирового процесса развития науки о праве» (с. 5) и что, «однако ещё многое остаётся за пределами российского теоретико-правового дискурса, не говоря уже о том, что влияние новых идей на российскую юридическую практику по-прежнему остаётся незначительным» (с. 6). В примечании 1 автор делает замечание: «Говоря о зарубежном правоведении, мы по умолчанию имеем в виду англоязычный мейнстрим науки о праве, как в связи с его доступностью для исследования, так и в связи с его разнообразием и влиятельностью» (с. 5).

Тема исследования и его содержание определяется также сложившейся научной школой. Как известно, особенно в последние два десятилетия это научное направление активно и плодотворно развивалось представителями Санкт-Петербургской школы теории права и истории правовой мысли, что в нашло отражение в серии монографий, сборников статей, учебной литературе, журнальных статей представителей этой школы, а также в работах, опубликованных в нескольких томах фундаментальных Российских ежегодниках теории права (А.В. Поляков, И.Ю. Козлихин, Е.В. Тимошина, И.Л. Честнов, М.В. Антонов и др.). Это направление - одно из явно лидирующих в современной российской теоретико-правовой науке по уровню и плодотворности проводимых исследований. Диссертация продолжает данное направление изучения и анализа теоретической правовой мысли XX века.

Возвращаясь непосредственно к диссертации, можно отметить, что ее актуальность связана с еще одним важным обстоятельством. В условиях необратимости глобализации, несмотря на ее возможные временные приостановки и поиск обновленных ее форм, периодические кризисы, в политической мысли формируется новая концепция сильного государства как одновременно высокотехнологичного и правового государства, использующего в своей деятельности высокие технологии и всю шкалу и формы управления сознанием и поведением людей с соблюдением при этом прежних и новых прав и свобод человека и гражданина. Для данной концепции также представляют интерес исследуемые в диссертации трактовки соотношения права и силы, принуждения, права и власти, институционального компонента природы и смысла права.

Диссертация написана на хорошем теоретическом уровне, профессиональным языком, в ней используется ряд малоизвестных в научной литературе работ, ранее не переводившихся на русский язык, но получивших известность и широкое обсуждение в профессиональной среде теоретиков права на Западе.

Как это видно из содержания диссертации, она выполнена автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в теорию государства и права и историю учений о праве и государстве, в частности, в исследование определенных аспектов учений о праве нескольких западных теоретиков права XX в.

В диссертации вынесено на защиту много положений.

Первые три положения касаются авторского видения понятия «действительность права», являются обоснованными и достаточно новыми.

Четвертое положение, вынесенное на защиту касается деления автором всех подходов к обоснованию действительности права на два – метафизическое и антиметафизическое. Привязка классификации к достаточно старому и не всеми теориями употребляемому термину «метафизика» может быть дискуссионным обозначением понимаемых под ним теорий, как и объединение всех других под наименованием «антиметафизических», но во всяком случае является новым. Кроме того, приставка «анти-» предполагает определенную враждебность и отрицание. Тем не менее, диссертант обращает внимание на определенную гибкость подходов исследуемых ученых-юристов к некоторым смежным, переходным идеям и трактовкам (в частности, отмечает признание «внеэмпирических оснований действительности», связанных с «эмпирическим измерением» (с. 116) и т.д.). Видимо, можно говорить об относительной «антиметафизичности» некоторых их идей.

В оригинальном *положении пятом*, выделяется как характерное для «метафизического» подхода признание правом только того, «что соответствует объективным моральным принципам, априорному метафизическому стандарту» (с. 17). Антиметафизический подход, отмечает автор, прямо или косвенно обосновывает действительность права через принуждение в широком смысле – физическое, психическое принуждение

или их комбинацию.

В *положении шестом* диссертант резюмируя эволюцию антипозитивистского направления пишет, что «обладающее известной долей метафоричности представление классического юспозитивизма о том, что право обеспечивается принуждением, заменяется более точным понятием о том, что право состоит из норм о применении принуждения» (с. 17). Является ли последнее утверждение «более точным», как полагает автор, учитывая разный характер отраслей и институтов права, разных форм реализации права, наличия механизмов саморегуляции и автоматизации определенных функций правового регулирования, сложной системы опосредования действия одних норм другими, когда лишь система норм и то лишь при определенных условиях и ситуациях, но не каждая из них и далеко не всегда связаны с принуждением и т.д., а некоторые лишь с поощрением, наградой? Не является ли такая трактовка более упрощенным суждением, что не всегда более точно, и в определенной мере также апологией принуждения и насилия?

С *седьмого положения*, начинаются непосредственно относящиеся А. Россу, его теории. Седьмое положение, посвященное признанию правовой концепции А. Росса соответствующей «основным признакам континентального (психологического) правового реализма, выделяемым его современными представителями» и *восьмое положение*, касающееся основных влияний правовых школ на доктрину А. Росса (с. 18), являются новыми и обоснованными.

Представляет интерес *девятое положение* (с. 18), вполне обоснованное в диссертации о разграничении смежных понятий в теории А. Росса:

«1) «действенный» (gældende) и «действенность» (gælden), когда речь идёт о действующем и эффективном праве, о действенном праве;

2) «действительный» (gyldig) и «действительность» (gyldighet), когда речь идёт непосредственно о действительности (которая находится в сложной связи с действенностью)».

В *десятом положении*, вынесенном на защиту (с. 19), сформулированы особенности психологической трактовки А.Россом действительности, а также его представлений о связи норм права и интересов субъектов права: «основанием действительности права признаётся сочетание обусловленных и не обусловленных интересами мотивов (импульсов, эмоций) в их неразрывной связи». Положение вполне обосновано и раскрыто автором в диссертации, хотя само признание «безинтересных» норм, элементов права представляется дискуссионным, поскольку интересы могут быть самые разнообразные – по уровню, времени действия, формам проявления – от индивидуальных и групповых, классовых, профессиональных до национальных, общесоциальных и общечеловеческих, от временных, ситуативных, до устойчивых в разной степени, от переменных до постоянных, они могут проявляться непосредственно и опосредованно, иметь разные формы выражения, представляться различными институтами и т.д.

В *одиннадцатом положении* автор обоснованно продолжает уточнять взгляды А. Росса на соотношение понятий «действенность права» и «действительность права», о том, что в его теории «действенность нормы позволяет сделать вывод о ее действительности», а также о его понимании нормы права как директивы (с. 20).

Двенадцатое положение, в котором диссертант представляет значение доктринального исследования права, доктрины источников права и доктрины судебного метода А. Росса, является новым и также вполне обоснованы в дальнейшем изложении материала во второй части диссертации, касающейся учения А. Росса.

Тринадцатое и четырнадцатое положение, вынесенные на защиту и касающиеся соотношения воззрений А. Росса и идей Г. Кельзена, Г. Харта, Л. Петражицкого и Э. Паттаро, а также *пятнадцатое положение* о значении исследования проблемы действительности права в рамках континентального правового реализма, являются достаточно новыми и обоснованными в работе.

В диссертации представлено весьма профессиональное рассмотрение исследуемых вопросов, свидетельствующее о научной зрелости автора и ее высоком научном потенциале.

Особенно важным является, как уже отмечено выше, введение в научный оборот неизвестных и малоизвестных работ А. Росса и некоторых других зарубежных ученых в переводе автора.

В диссертации содержится немало вопросов, которые заставляют читателя думать, работа весьма информативна и познавательна.

Диссертант детально разбирает тонкости, особенности, детали теории права А. Росса и других западных теоретиков права близкого к нему направления.

Результаты диссертационного исследования будут полезны для дальнейших научных разработок ряда фундаментальных категорий теории права, обогатят учебные материалы по западной истории политической и правовой мысли XX в., могут быть использованы в качестве факультативного курса для магистрантов и докторантов.

Наряду с бесспорными достоинствами диссертации, представляется, что в ней имеются и некоторые дискуссионные положения общего и частного характера, а также возникают некоторые вопросы, могут быть сделаны некоторые рекомендации.

1. Обращает на себя внимание то, что работа фактически состоит из двух частей и собственно разбор и реконструирование теории А. Росса начинается почти с середины работы. Можно было бы или сократить первую часть, или в первой части более активно провести сравнение идей А. Росса с наследием некоторых его предшественников и современников, идеи которых, в основном, и излагаются в первой части диссертации. Но, как говорится, что есть, то есть, что получилось, то получилось. Обе части работы написаны профессионально, но являются, относительно самостоятельными, и более того, тема диссертации, ее название, как представляется, лишь опосредованно охватывает первую часть. Возможно, было бы логично при

такой структуре работы несколько уточнить название диссертации, обозначив ее как работу не просто о теории А. Росса, а о его теории в контексте направления, представители которого рассмотрены в первой части работы.

2. Работа достаточно прагматична – профессионально анализируется теория А. Росса сама по себе, в отрыве от других (по крайней мере противоположных) «антинаправлений» в теории права и в сравнительно узком, хотя и важном фундаментальном аспекте. Возможно, это связано с объемом работы, лимитированным ее планом. Антиметафизичность теории А. Росса и направления, к которому он принадлежит, признается как бы аксиоматически и не рассматривается полемика с другим, аксиоматически постулируемым как противоположное, направлением. То есть «антинаправление» практически не затрагивается, не является предметом исследования. Тем самым, как бы за скобками, за кадром остается и вопрос – а кто и в чем прав в этом противостоянии и есть ли правый в таком противостоянии вообще? Чем определяется, объясняется наличие того или иного направления в теории права?

3. Возможно, к некоторым идеям А. Росса можно было бы отнестись более критически.

Так, представляют интерес размышления А. Росса в интерпретации автора диссертации об институциональном компоненте права. В то же время, ограничение содержания и природы права социальными и политическими институтами и не учет его связей с природой человека, естественными правами, отраженными практически во всех конституциях со второй половины XX и защищавшихся и тем Европейским судом по правам человека, судьей которого был и А. Росс, а также с экологией, космической природой и деятельностью человечества, государства и права, перспективы которых все более раскрываются в XXI веке, - все это свидетельствует о некоторой ограниченности теории А. Росса о праве.

Или вопрос об относительности эмпирической верификации

абстрактных теоретических суждений, о чем свидетельствуют и современные представления о мире в квантовой физике, проникновение, например, с помощью математических моделей и астрономической техники (различных видов телескопов) на расстояние в миллиарды световых лет (физически недостижимых для современного человечества, не говоря уже о человеке с его короткой для таких масштабов жизнью), открытие в последние четверть века невидимых для человеческого глаза тысяч экзопланет у других звезд и т.д. Фундаментальные основы права и т.д. также осмысливаются абстрактным мышлением, философией права, выявляются в ходе исторического развития, возможно, со временем, их анализ будет более доступен при использовании компьютерного анализа больших данных с применением суперкомпьютеров. Видимо, в условиях происходящих глобальных процессов, следует различать фундаментальные исследования права, имеющие значение для познания общих характеристик права как компонента исторического явления, изучения истории права, периодов и циклов его развития и глобальных вопросов правовой эволюции, определения стратегической правовой политики, моделирования глобальной правовой системы и правовых семей, их соотношения и взаимодействия (имеющие научное и практическое значение для познания процессов в человеческой цивилизации), а также теоретико-прикладные исследования, имеющие важное значение для обслуживания текущей юридической практики, практиков с лимитом времени, целью которых является собственно не познание права, а его применение в деятельности государственных органов, в судебном процессе, для обеспечения оборота общественных отношений и реализации законодательства.

Открывающиеся возможности изменения человека, замена его органов, корректировка генома, соединение мозга с искусственным интеллектом (ИИ), развитие роботов с ИИ и т.д. также меняют и расширяют представление о «психофизической реальности».

4. Некоторые более частные вопросы.

- При рассмотрении учения И. Бентама (с. 58 и др.), создается впечатление, что автор некоторые суждения Бентама о законе (в приводимых цитатах на с. 58-60), трактует как суждения о праве. Видимо, в данном случае, порой, следует быть точнее в терминах.

- Вряд ли можно признать удачной редакцию приводимого в диссертации положения об «окончательно» «господствующем» направлении юридического позитивизма: «В 1882 году вышла программная работа С. В. Пахмана, ставшая ключевым моментом в истории развития юридического позитивизма в России – с начала 80-х годов он окончательно становится господствующим направлением, как в теории права, так и в отраслевых юридических дисциплинах» (с. 74).

Утвердившуюся в период контрреформ 1880-х годов доктрину юридического позитивизма вряд ли можно безусловно считать господствующей (если только официально) в последующем с развитием социологического позитивизма С.А. Муромцева, психологической теории Л.И. Петражицкого, а позже и социально-психологической теории М.Н. Рейснера, синтетической теории А.С. Яценко, либеральной и реформистской теории правового государства, развиваемой рядом видных теоретиков новых либеральных партий, и т.д. К тому же и «окончательность» официальное господство в данном случае продлилась до начала XX в., до революции, относительно утверждаясь еще на несколько лет в период между первой и второй революционной волной начала XX в.

Возможно, диссертанту было бы небесполезно использовать и неиспользованные в работе книги, статьи и докторскую диссертацию В.Д. Зорькина о позитивистской теории права в России (которая, кстати, была защищена в ИГП АН СССР со второго раза; а сначала защищалась в МГУ, где молодому ученому, не хватило одного голоса при голосовании для получения квалифицированного большинства членов совета (было простое большинство голосов «за»); кстати, на это повлияло 40-минутное выступление одного неофициального оппонента с отрицательным отзывом,

цитируемого в данном случае в диссертации). Можно было бы привлечь труды и некоторых других российских теоретиков права, в частности московской школы права, для более всестороннего подхода к некоторым обсуждаемым вопросам.

5. И еще в порядке размышления. С учетом более широкого взгляда на траекторию исторического развития человеческой цивилизации, диссертация, предмет ее исследования и авторский подход в работе, синхронны запросам современного исторического периода в истории России и других постсоветских стран на консервативную мысль и укрепление системы защиты появившейся частной собственности и новой модели общества и государства. Этот запрос сфокусирован на разработку идей более жесткого, простого и практичного закрепления статус-кво и отсеечения менее предсказуемых для новых собственников идей, направленных на более фундаментальное и всестороннее философское осмысление права как эволюционирующего вместе с эволюцией общества, общеисторического и глобального явления. Новые предприниматели, особенно крупный капитал, нуждаются в многоплановых твердых политических, юридических и идеологических гарантиях обретенной ими собственности и в гарантированно и предсказуемо стабильном порядке ее использования и защиты. Требуется обоснование кристаллизации нового порядка, без «лишних» вопросов и размышлений, включающих в обсуждение справедливости основ сложившегося правопорядка, проблем морали, а также отношений социальных групп, их политических и экономических интересов. Закономерно наступает очередной период доминирования консервативной политики и идей консерватизма. Эта историческая ситуация имеет объективный характер, должны учитываться соответствующие ей идеи и все их направления, естественно, должны исследоваться. При этом следует иметь в виду, что данная ситуация – фрагмент более сложного цикла исторического развития.

Признавая ценность изучения западной правовой теории XX в. для восполнения пробелов в истории мысли и наработки теоретического инструментария, в то же время следует избегать идеализации отдельных направлений идей XX в. как «новых» и наиболее перспективных. В диссертации, кстати, этого нет. Например, обращается внимание на не соответствие в полной мере трактовок А. Росса права как имеющего признак наличия аппарата принуждения, международному праву (с. 146).

В масштабах и в ходе эволюции современной человеческой цивилизации и тенденций развития правовой науки в целом, даже самые авторитетные вчера и сегодня направления правовой науки вряд ли могут рассматриваться как единственно перспективные для будущего. Не случайно, в настоящее время ведутся разнонаправленные исследования правовой мысли – как западной, так и восточной, как светской, так и религиозной. Это объясняется и широкой панорамой правовой мысли в целом, связанной в истории с различными циклами и тенденциями развития общества, и нарастающей неопределенностью будущего человечества при ускорении темпов исторического развития, научно-технических и технологических изменений. Играет свою роль в нарастании неопределенности и напряженности появление в последнее десятилетие второго мирового лидера, которым стал Китай. Принимая во внимание, темпы его развития и растущий удельный вес в экономике планеты, видимо, нельзя не учитывать и тенденции к определенной конвергенции, синтезу различных экономических систем, взаимовлиянию идей, а также значение такого направления антиметафизической правовой мысли, как современные варианты модифицированной материалистической диалектической теории права. Возможно, следует учитывать также значение и перспективность синтетических, интегральных теорий права и правопонимания.

6. В случае продолжения автором исследования творческого наследия А. Росса, можно было бы рекомендовать несколько усилить исторический аспект темы и более полно раскрыть эволюцию его взглядов,

привлекая для работы более широкий круг его работ и архивные материалы (в том числе его переписку), точнее и детальнее отражающие некоторые вопросы формирования и развития тех его взглядов и концепций.

Отмеченное выше не влияет на высокую положительную оценку проведенного исследования и может рассматриваться не столько как замечания и недостатки диссертации, сколько как вопросы и некоторые рекомендации заинтересованного читателя, которые, возможно, было бы полезно учесть автору для более точного, полного и всестороннего исследования темы в будущем, для вывода исследования на новый, еще более фундаментальный теоретический и познавательный уровень.

Достаточно высокий теоретический уровень диссертации, новизна привлеченных в ней материалов, интерес, который может вызвать работа у специалистов, позволяют рекомендовать диссертанту подготовить диссертацию к публикации в виде монографии после некоторой ее доработки.

В целом, диссертация Васильевой Наталии Сергеевны на тему: «Проблема действительности права в правовой концепции Альфа Росса», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук, является самостоятельным, завершенным исследованием, решающим познавательную задачу по реконструкции важной части теории права известного датского ученого-юриста А. Росса, а также воззрений на исследуемые вопросы некоторых его предшественников и современников, близких ему по направлению в теории права. Диссертация восполняет определенный пробел, существующий в истории политических и правовых учений XX века и соответствует требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а ее автор Васильева Наталия Сергеевна заслуживает присвоения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01. – Теория и история права и

государства; история учений о праве и государстве. Пункт 11 указанного
Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор,
руководитель научно-исследовательских проектов
по вопросам правовой политики,
конституционного законодательства и
государственного управления
Университета
«КАЗГЮУ» им. С.М. Нарикбаева

С.Ф. Ударцев

03.05.2020 г.

Тожымов з.ю.и., профессор
жауапкер: руководитель

Ударцев С.Ф.

Кузнецова А.А.